

Максим Горький

Читатель

Максим Горький

Читатель

«Public Domain»

1895

Горький М.

Читатель / М. Горький — «Public Domain», 1895

Впервые напечатано в ноябре 1898 года с подзаголовком «Беседа». Без подзаголовка рассказ включался автором во вес собрания сочинений. В письме к И.Е.Репину от 23 ноября 1899 года М.Горький сообщал: «Читателя» я написал года четыре тому назад» (Архив А.М.Горького). Подготавливая в 1898 году рассказ для печати, М.Горький, по-видимому, значительно переработал первоначальный текст, что видно из переписки его с Ф.Д.Батюшковым. В рукописи рассказа, посланного первому его издателю, заглавие ещё не было определено. В письме к Батюшкову от 27 сентября 1898 года Горький назвал его «Воздаяние», а в письме от 9 октября того же года предлагал назвать: «Первый рассказ», «Читатель», «Некто». «Последнее, – писал Горький, – быть может, самое лучшее... Назовите вы, пожалуйста...» (См. переписку М.Горького с Ф.Батюшковым в книге «М.Горький. Материалы и исследования», т. II, 1936.) В гранках первого набора рассказ был озаглавлен: «Разговор с читателем (фантазия)». Горький зачеркнул этот заголовок и надписал «Читатель». В первой публикации, однако, добавлен подзаголовок «Беседа». Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким в 1923 году для собрания сочинений в издании «Книга».

Содержание

Читатель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Читатель

...Была ночь, когда я вышел на улицу из дома, где, в кругу близких мне людей, читал свой напечатанный рассказ. Меня много хвалили за него, и, приятно взволнованный, я медленно шагал по пустынной улице, впервые в моей жизни испытывая так полно наслаждение жить.

Это было в феврале; ночь была ясная, и безоблачное небо, густо затканное звёздами, дышало бодрим холодом на землю, покрытую пышным убором только что выпавшего снега. Ветви деревьев, перевешиваясь через заборы, бросали на мою дорогу причудливые узоры теней, ярко и радостно блестели снежинки в голубом, ласковом сиянии луны. Нигде не было видно ни одного живого существа, и скрип снега под моими ногами был единственным звуком, нарушавшим торжественную тишину этой ясной, памятной мне ночи... Я думал:

«Хорошо быть чем-нибудь на земле, среди людей!»

И воображение, не скупясь на яркие краски, рисовало мне моё будущее...

– Да, вы написали славную вещицу!.. Это – так! – задумчиво сказал кто-то за моей спиной.

Я вздрогнул от неожиданности и оглянулся.

Маленький, одетый в тёмное, человек поравнялся и пошёл в ногу со мной, снизу вверх глядя в моё лицо и улыбаясь острой улыбкой. В нём всё было остро: взгляд, скулы, подбородок с эспаньолкой; вся его маленькая, сухая фигурка колола глаза своей странной угловатостью. Он шёл легко и как-то беззвучно, точно скользил по снегу. Я не видал его там, где читал, и, понятно, был удивлён его возгласом. Откуда, кто он?

– Вы... тоже слушали? – спросил я.

– Да, имел удовольствие.

Говорил он тенором. Губы у него были тонкие, чёрные маленькие усы не скрывали их улыбку. Она не исчезала, производя неприятное впечатление, я чувствовал, что за ней скрыта какая-то едкая, нелестная для меня мысль. Но я был слишком хорошо настроен для того, чтоб долго останавливаться в наблюдении за этой чертой моего спутника, и, мелькнув в глазах моих, как тень, она быстро исчезла пред ясностью моего довольства собой. Я шёл рядом с ним, ожидая, что он скажет, втайне надеясь, что он увеличит количество приятных минут, пережитых мною в этот вечер. Человек жаден, потому что судьба слишком редко улыбается ему ласково.

– А хорошо чувствовать себя чем-то исключительным? – спросил мой спутник.

Я не услышал в его вопросе ничего особенного и поспешил согласиться с ним.

– Хе, хе, хе! – колко засмеялся он, нервно потирая свои маленькие руки с тонкими, цепкими пальцами.

– А вы весёлый человек!.. – сухо сказал я, задетый его смехом.

– Да, я весёлый человек, – улыбаясь, подтвердил он и качнул головой. – И ещё я очень любопытен... Я всегда хочу знать; всё знать – это моё постоянное стремление, оно-то и поддерживает во мне бодрость. Вот и сейчас я хочу знать – что стоит вам ваш успех?

Я посмотрел на него и нехотя ответил ему:

– Около месяца работы... может быть, немного более...

– Ага! – живо подхватил он. – Немножко труда, затем частица житейского опыта, который всегда чего-нибудь стоит... Но это недорого всё-таки, когда такой ценой вы приобретаете сознание, что вот в данный момент несколько тысяч людей живут вашей мыслью, читая ваше произведение. И потом приобретаются надежды на то, что, может быть, со временем... хе, хе!.. и когда вы умрёте... хе, хе, хе!.. За всё это можно больше дать, больше того, сколько дали вы нам, – не правда ли?

Он опять засмеялся своим дробным, колющим смехом, лукаво оглядывая меня острыми, чёрными глазками. Я тоже посмотрел на него сверху вниз и, обиженный, холодно спросил его:

– Извините... с кем я имею удовольствие беседовать?

– Кто я? Вы не догадываетесь? А я, пока, не скажу вам, кто я. Разве для вас знать имя человека более важно, чем знать то, что он скажет вам?

– Конечно, нет... Но всё это – странно! – ответил я. Он для чего-то тронул меня за рукав пальто и, тихонько посмеиваясь, заговорил:

– Но и пускай будет странно, – почему бы человеку не позволить себе иногда выйти из рамок простого и обыденного?.. И если вы не прочь сделать это – давайте поговорим откровенно?

Вообразите, что я – читатель... некий странный читатель, который очень любопытен и желал бы знать, для чего и как делается книга... вами, например? Давайте же поговорим.

– О, пожалуйста! – сказал я. – Мне приятно... такие встречи и разговоры... не каждый день возможны. – Но я уже лгал ему, ибо для меня всё это становилось неприятным. Я думал:

«Чего он хочет? И с какой стати я позволю себе придавать этой уличной встрече, с незнакомым мне человеком, характер какого-то диспута?»

Однако я всё-таки медленно шёл рядом с ним, стараясь выразить на лице моем любезное внимание к моему спутнику. Это, я помню, с трудом удавалось мне. Но всё-таки у меня пока было ещё много бодрого настроения, я не хотел обидеть этого человека отказом говорить с ним и решил следить за собой.

Луна сияла в небе сзади нас, и наши тени лежали у нас под ногами. Слившись в одно тёмное пятно, они ползли впереди нас по снегу, а я смотрел на них и ощущал в себе зарождение чего-то такого, что, как эти тени, было темно, неуловимо и, как они, тоже впереди меня.

Мой спутник помолчал с минуту времени и потом заговорил уверенным тоном господина своих дум:

– Ничего нет в жизни более важного и любопытного, чем мотивы человеческих действий...

Не правда ли?

Я кивнул головой.

– Вы согласны!.. Так давайте поговорим откровенно – не упускайте случая говорить откровенно, пока вы ещё молоды!..

«Странный человек!» – подумал я и, заинтересованный его словами, спросил его, усмехаясь:

– Но о чём говорить?

Он, взглянув мне в лицо, с фамильярностью старого знакомого воскликнул:

– Будем говорить о целях литературы!

– Пожалуй... хотя, мне кажется, уже поздно...

– О! для вас ещё не поздно!..

Я остановился, удивлённый этими словами, – он произнёс их с такой серьёзной уверенностью, и они звучали – как иносказание. Я остановился, желая что-то спросить у него, но он, взяв меня за руку, тихо и настойчиво повёл вперёд, говоря мне:

– Не останавливайтесь, ибо со мной вы на хорошем пути... Довольно предисловий! Скажите, – чего хочет литература?.., вы ей служите, вы должны это знать.

Моё изумление росло в ущерб моему самообладанию. Что нужно от меня этому человеку? Кто он?

– Послушайте, – сказал я, – согласитесь, что всё происходящее между нами...

– Имеет своё достаточное основание, – верьте мне! Ведь ничто в мире не совершается без достаточного к тому основания... Идёмте же скорее, но не вперёд, а вглубь...

Бесспорно, этот чужак был интересен, но он сердил меня. Я снова сделал нетерпеливое движение вперёд; он следовал за мной и спокойно говорил мне:

– Я понимаю вас: вам трудно в этот момент дать определение цели, которую преследует литература. – Попробую я сделать это...

Он вздохнул и потом с улыбкой посмотрел мне в лицо.

– Вы согласитесь со мной, если я скажу, что цель литературы – помочь человеку понять себя самого, поднять его веру в себя и развить в нём стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать всё для того, чтоб люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты. Вот моя формула; она, разумеется, неполна, схематична... дополняйте её всем, что может одухотворить жизнь, и скажите – вы согласны со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.